

Леонид
Белзев
Цепочка
Журавлей

Леонид Беляев

ЦЕПОЧКА ЖУРАВЛЕЙ

*Архангельск
Северо-Западное
книжное издательство
1989*

Беляев Л. А.
Б44 Цепочка журавлей.— Архангельск:
Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние,
1989.— 95, [1] с., [1] л. ил. портр.

В книгу вошли лучшие стихотворения поэта
разных лет, а также новые работы, посвященные
природе и людям Вологодчины.

Б $\frac{4702010202}{M157(03)89}$ 21—89

Р2

ISBN 5-85560-052-1

© Северо-Западное
книжное издательство,
1989

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Нелегкий путь выбрал себе Леонид Беляев в современной поэзии, или можно сказать по-иному: нелегкий путь выбрал себе поэт. Сложная задача — писать просто. Решение такой задачи требует усилий всего человеческого существа. Особенно сейчас, когда поэзия без нужды усложнена, а ее язык неубедительно архаизирован.

В своей поэзии Л. Беляев не чуждается временного, преходящего, но сквозь них, в лучших стихах, находит силы дослушаться, дочувствоваться до вечного:

*А след мерцает за кормой,
Наш путь венчает.
Завинчивается вода
И пузырится,
Потом отстанет навсегда
И усмирится.
И я, и все, как этот след:
Дни скоротечны.
А берегам износа нет,
И волны вечны.*

Простота требует отбора, синтеза, обобщения, поиска за пределами бытовых образов. Быт в стихах

Л. Беляева теряет плоскостность, обретая глубину и насыщенность. Может быть, иногда Л. Беляев упрощает расположение света и тени. Хотя поэт и не выбирает из стиха врывающуюся в него сложность, а, по возможности, преодолевает ее.

У Л. Беляева есть стихи, написанные совсем просто и очень выразительно. В них герой — человек в действии (по преимуществу), но действие не отменяет сложной внутренней жизни.

В своих стихах Л. Беляев относится к людям внимательно и сердечно. Однако человечность поэта в том и состоит, чтобы не проходить мимо конфликтов жизни, а выражать их глубину и значительность.

Похоже, что, тяготя к деревне, Леонид Беляев всеми силами своими действительно плывет к ней, но против течения. В упреках городу поэт восстает против жестокой деспотии машин, против склероза культуры, но никак не против ее самой. И деревня для него, скорее всего, нечто вроде внутреннего убежища. Неназойливый лиризм Леонида Беляева привлекателен для тех, кто любит, чувствует и сознает поэзию.

А л е к с а н д р М е ж и р о в

* * *

Лишь прилягу — вижу снова
Белый-белый чистый снег.
Нету в городе такого
Да и не было вовек.
Печка русская, корыто,
Коромысло, жернова —
Бормочу полузабыто
Нерасхожие слова.
Снова цветом голубики
Утром небо налилось.
Болью полнят птичьи крики
Сердце сельское насквозь.
Знать, не все смолоть сумело
Время в памяти моей.
И звенит, звенит несмело
В ней цепочка журавлей.

* * *

Деревня летом ожила,
Как в достопамятные годы.
Со всей страны детей свела
В дома под дедовские своды.

Шумит ведерный самовар,
И нет конца воспоминаньям.
«А что, вернись, пока не стар» —
Маячит в глубине сознания.
Но столько тут переплелось
Больших проблем в одном вопросе —
Как разных трав, что вкривь и вкось
Перемешались на покосе.

* * *

Учит дедушка внука
Ловко грабли держать.
Небольшая наука,
А сгодится, как знать.
Хоть машинное время,
Но и сам не плошай:
Свежей травки беремя —
Тоже вклад в урожай.
И для этого дела —
Лишь бы пала роса —
Всё, что надо, у деда:
Вилы, грабли, коса.
Серп, хоть древняя штука,
Но и тот не исчез.
Есть в глазенках у внука
Живой интерес.
Губы сдвинуты строго
И нахмурена бровь —
Знать, пробила дорогу
Крестьянская кровь.

САШКА

Выгорели брови,
Облупился нос.
Братику моркови,
Яблочек принес.
Смех рассыпал в доме,
Брызнул синью глаз.
Прятаться в соломе
Побежал от нас.
Наигрался в прятки
И опять исчез:
Засверкали лятки
По тропинке в лес.
С песенкой, со свистом,
С яблоком в руке
Мчится в поле чистом,
Плещется в реке.
Славная водица,
Добрая купель.

На шкафу пылится
Новенький портфель.

* * *

На козьем рос я молоке
И помню: в годы небогатые
Коровки эти бородатые
Бодались бодро на лужке.
Наверно, некий вечный зуд
Вселился в души их шкодливые.
Зато в еде неприхотливые —
Что ни увидят, все грызут.
Бывало, чуть не весь удой

Я выпивал, придя с гулянья.
Мне дали эти возлиянья
Набраться силы молодой.
Недавно повстречал опять
Скотинку ту почти былинную:
Дыбком под веткой тополиною
Стоит, а листьев не достать.
Взглянули на меня глаза
Как бы из той, далекой давности.
Я в запоздалой благодарности
Нагнул ей ветку — ешь, коза!

* * *

Они выпадают безбольно
(Лишь пальцем шатни — и готов)
Из памяти нашей дошкольной
Молочные зубы годов.
Но это я крепко запомнил:
Сирены воздушных тревог,
И как попадало за то мне,
Что старших дожидаться не мог —
Задолго съедал до обеда
Кусок, что припрятала мать.
Давно отгремела Победа,
И стоит ли копыта ломать —
Беречь — не беречь: хлеба — море,
Валюты не скуден запас.
А страшно: неужто лишь горе
Способно воспитывать нас?

В согласьи с людьми и природой
 Прошел я начало пути,
 Пока не погнался за модой.
 И стало мне трудно идти.
 Немало на джинсы и диски
 Ухлопано денег и дней,
 Транжирил я время по-свински
 Среди «расторопных» парней.
 Спешил, потирая ладошки,
 С дружкой в ресторанный уют...
 Но понял, что лучше картошки
 И там ничего не дают.

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

— В доме нашем топи хоть нет:
 Мох-то весь уж иструх в пазах.
 Дому добрая сотня лет,
 Весь осел на глазах.
 Если плотников нанимать —
 Чем расплатимся с ними мы?
 Кто нам эстолько даст взаймы?
 Как ты думаешь, мать?
 — Хорошо бы наш дом продать,
 А купить небольшой другой.
 На двоих-то куда такой.
 Было бы — благодать!
 — Да, другой бы, поменьше, — рай.
 Больно наш-то здоров.
 Кто поедет в такой сарай? —
 Ненапасная дров.
 Надо что-то предпринимать.
 Как ты думаешь, мать?..

В ДОРОГЕ

Мужики назяблись. Каково им,
Голоруким, в экую метель?
Поломался трактор, но обоим
Не впервой такая канитель.
Старший — не цитирую дословно,—
Проклиная ветер и мороз,
Лег под трактор на фуфайку, словно
К наледи лопатками прирос.
А помощник, забредя в чащобу,
Жаждет раздобыться сушняком.
Треск по лесу. Значит, скоро оба
Руки обогреют огоньком,
Черные, промасленные руки.
Выручай, костер, их, выручай...
Как награда им за эти муки,
Будет банька с веником и чай.

* * *

Сугробов сивые чубы,
Контрастно черные деревья,
Четыре сереньких избы —
«Неперспективная» деревня.
На улице трескун-мороз,
Напали ветры продувные.
Старик, с утра кляня склероз,
Портянки ищет шерстяные.
Не больно хочется шагать
В сельмаг в такую заваруху.
Ну как в сердцах не обругать,
Хоть нет причин, свою старуху:
Танцует около шестка
Румяная, как молодуха.
Понапустила из горшка

На всю избу мясного духа.
Щи хороши, да хлеба нет,
А это — первая потреба...
За три версты плетется дед,
Чтобы купить буханку хлеба.

НА МЕСТЕ ДЕРЕВНИ

Опустела земля, опустела —
Будто вынули душу из тела.
Почему? Не находят ответ
Всем ушедшим глядящие вслед
Две сосны.

По привычке сорока
Залетела сюда издалека,
Новостей накопила, видать.
Только некому их передать.
Шапку снега надвинув глубоко,
Пригорюнясь, стоит одиноко,
На высокий зайдя бережок,
Позабывтого сена стожок.

* * *

Идут старички по аллее —
Улитка догнала бы их.
И нет ничего тяжелее,
Чем сумка одна на двоих.
Вот пожили люди отменно —
Мы мысленно скажем себе.
Покажется нам непременно
По их неторопкой ходьбе,

По лицам, по вздохам, чуть слышным,
Что жизнью натешились всласть.
Спроси их и скажут: «Не слишком —
Так быстро она пронеслась».

В КРАЮ, ГДЕ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

На тишине рассвет настоян,
Над Белым озером туман.
У обелиска павшим стоя,
Встречает праздник ветеран.
Встречает новый День Победы —
А он уже сороковой —
И в такт невидимой беседе
Седой качает головой.
Хоть враг отсюда был неблизко,
Орудий залпы не слышны —
Но как длинны погибших списки
В краю, где не было войны.

СТАРИК

С пяти утра за письменным столом.
Да полноте! Возможно ли такое
В его лета? Но думы о былом
Не оставляют старого в покое.
Работника в хозяйстве не имел,
Однако был в тридцатом раскулачен.
Все зубы потерял и охромел.
Но вышел срок, что был ему назначен.
Вернулся. Молодые на него
Смотрели, словно он — исчадь ада.
Пахал и сеял. Все бы ничего —
Два сына пали в пекле Сталинграда.

Мы узнавали больше из газет,
Что с каждым днем вокруг светлели дали.
А за пропетый во хмелю куплет
Ему еще десятку припаяли.
И вот теперь (иные времена!)
Он в памяти былое воскрешает,
Записывает что-то старина.
Пу что же, внукам знать не помешает.

* * *

Сидит старушка, головой качает,
Вся в прошлое свое погружена.
Ничто вокруг ее не огорчает,
Не радует — сторонняя она.
Но ум у ней на удивленье ясен,
Ей дома доверяют быть одной.
Вот только внука Петю кличет Васей —
Так звали сына, взятого войной.

* * *

Не под силу стали деду
Сучковатые дрова:
Тюкал, тюкал, а к обеду
Так устал, что жив едва.
Щей не надо, ставь-ко чаю
Да настойку с корешка.
Слышь, старуха, замечаю:
Ровно столб, гудит башка.
И в боку, похоже, шило,
Будто кто воткнул его.
Как добро вчера-то было —
Не болело ничего.

А наавтра в то же время
Разговор у них такой:
Слышь, старуха, прямо в темя
Ровно кто стучит клюкой,
И плечо с утра заныло,
Будто стиснули его.
Как добро вчера-то было —
Не болело ничего.

* * *

Не те, не те пошли деды —
Без посоха, без бороды.

Бежит иной — жениться в пору,
А ведь ему за шестьдесят.
Рысцей в трико спортивном в гору
За ним такие же трусят.

Не те, не те пошли деды —
Без посоха, без бороды.

Я в доме отдыха видал их —
Казалось мне, не по годам
Розовощеких, разудалых,
На «пяточке» кружащих дам.

Не те, не те пошли деды —
Без посоха, без бороды.

Готовясь к пенсии, мужчина,
Себе на память запиши,
Что старость вовсе не в морщинах,
А в состоянии души.

* * *

Природа смотрит на себя
Глазами человека
И, верно, думает, скорбя:
«Да я почти калека —
Карьеров оспа на лице,
Рубцы лесоповалов...»
В раздумье курит на крыльце
Старик Иван Патралов.
В том капли нет его вины,
Что у природы слезы.
Посаженные им, стройны,
Шумят вокруг березы.

СТАРУШКА

Ей жить и вправду надоело —
Она не будет зря болтать.
Но из увянувшего тела
Душа не хочет отлетать.
Давно не лечь, не встать без боли.
И слышит каждый день родня:
Да что они забыли, что ли,
На том-то свете про меня?
Как можно искренне желать

Не быть, не видеть, не дышать?
Иль те, кому за девяносто,
На эти вещи смотрят просто?
Признаюсь, долго ей не верил.
А нынче должное отдам:
Я жизнь свою не раз примерил
К ее томительным годам
И понял истину однажды —
Колодец вычерпан до дна,
Но если нет ни капли жажды,
То правда эта не страшна.

* * *

Памяти Рубцова

Написано: «Ушел от нас»,
Ну а куда, никто не скажет
И достоверно не докажет,
Где пребывает он сейчас.
Речь не о теле — ясно, где:
Оно лишь прах земной, не боле.
Но быть не может в этой роли
Душа, подобная звезде!
Мне кажется, она живет
В другом каком-то измеренье.
И человеческое зренье
Ее уже не узнает.

СУХОЕ ДЕРЕВО

Сухое дерево торчит.
Живые рядом с ним.
Оно, конечно, портит вид
Присутствием своим.
В смущенье молит об одном,

Чтобы зима скорей
Сошла на землю белым сном:
Ведь безразлично ей,
Какое дерево стоит,—
Снежком присыплет их.
Тогда никто не отличит
Его среди живых.

* * *

Остановилось время для меня,
И как не понукай его — ни с места.
Перетерпеть четыре вечных дня,
Потом сорваться, как петух с насеста!
Невмоготу мне больше слушать бред,
Весь этот разговор пустопорожний.
Одно могу — просматривать на свет
Сто раз билет свой железнодорожный.
На нем в углу проколото число,
А также номер поезда, который
Соединит нас, всем чертям назло.
Да здравствуют дороги и моторы!

* * *

Ни телевизора, ни радио,
И за окном сосновый бор.
Давненько нас вот так не радовал
Неторопливый разговор.
Совсем немного ведь и надо нам,
Командированным сюда —
Чтоб тишина была с прохладой
Да хлеб, да в чайнике вода.

И словно юность возвращается,
В душе оттаивает лед —
Она от скверны очищается
И молодеет, и поет.

* * *

Попал же, наконец, в лесную сказку.
На радостях — нисколько не совру —
Я босиком пустился было в пляску
По яркому осеннему ковру.
Казалось, отдохну душою здесь я:
Не тронутые городом места.
Но вывела меня из равновесья
Пощечина кленового листа.
С надеждой от бездумных лицезрений
Предостережь — конечно, неспроста —
Заставила свалиться на колени
Подножка верескового куста.
И я прозрел: увидел вдруг рябину,
Что ради ягод срублена была,
И не одну — о сколько их, невинных!—
А вот и елка — так же полегла.
Увидел банки ржавые и стекла.
Тут не плясать — тут скот нельзя пасти.
И радость воскресенья вдруг поблекла.
Ты, если можешь, лес, меня прости.
Прости за тех пришельцев безголовых,
Кто с малых лет душою огрубел.
Как надо бы им всыпать лап еловых,
Заполнив воспитания пробел.

Угрюма ель, но весела сосна,
 И веселы под ней в траве маслята.
 И первый здесь — поляна не измята —
 Снешу, ходьбой нагретый докрасна.
 Вполне могу до завтрака успеть
 Набрать грибов на добрую жареху.
 Не удержаться радостному вздоху,
 Не удержаться, чтобы не запеть.
 Мне хочется сегодня удивить
 Свою жену, соседей озадачить:
 Не может быть! — заявят. — Рядом с дачей
 Нельзя таких красавцев наловить!
 Кому нельзя, а кто и на коне —
 Всех угощаю. Поедим в охотку.
 Скорей кидайте жир на сковородку,
 Садитесь в круг и пойте славу мне!

НА БОЛОТАХ

Закипели болотные страсти.
 Город высыпал, многолик.
 И подальше от этой напасти
 Убегает в испуге кулик.
 Протестую! — кричит. — Протестую!
 Вам не время хозяйничать тут.
 Но не слышат его — подчистую
 Недозрелую клюкву метут.

ОТПУСКНИКИ

Разбегаются на лето
Из грохочущего ада
Музыканты и поэты —
Люди творческого склада.
И нетворческого тоже.
По путевкам, без путевок —
Миллионы бледнокожих
В горы, кто силен и ловок,
К тещам, кто пожиже телом —
На молочную диету.
К морю, к речке, к лесу — в целом,
Ближе к солнцу, ветру, свету.
Ведь они почти погибли,
От бензина угорели.
Да спасут их птичьи гимны
И закатов акварели.

У МОРЯ

На пляже все равны. Незажно,
Профессор ты или загар.
Хвала ныряющим отважно,
В цене фигура и загар.
На месяц охладевши к делу,
От всех сует отгородясь,
Лежишь, по розовому телу
Лечебную размазав грязь,
И наблюдаешь, как старуха —
Видать, вода попала в ухо —
Все скачет на одной ноге,
Хоть ей по возрасту, не скрою,
Не стыдно старшею сестрою
Назваться бабушке Яге.

Дедок — лежать бы дома с грелкой —
Нет, он «летающей тарелкой»
Решил внимание привлечь
Владелицы роскошных плеч
И вокруг нее резвится белкой.
Другой такой же старичок,
Подставив солнышку бочок,
Жука песочком присыпает
И с интересом наблюдает,
Как пробивается жучок.

У моря все впадают в детство —
Так пагубно его соседство.

ПОСЫЛКА

Не зря вы удивились вдруг,
Сбежались в круг вы:
Друзья послали мне на юг
Посылку клюквы.
Причем с болотным мусорком —
Иголки, мшинки.
Такой не встретишь нипочем
Нигде на рынке.
Ну угодили мне, ей-ей,
Попали в точку.
Увидел памятью своей
Я чудо-кочку:
На изумрудной ткани мха
Горят рубины.
Крадем их, не боясь греха,
Кладем в корзины...
Спасибо за лесной привет,
За эту сказку.
Я вам хурмы пришлю в ответ,
Бананов связку.

РЫБАЦКАЯ ПРОСЬБА

И. Султанову

Где морозы? Мы их ждем.
Как в насмешку,
Так и сыплет снег с дождем
Вперемешку.
Где морозы? Тут сейчас
Быть пора им.
Зря мы, что ль, в десятый раз
Блесны драим?
Рьяно штопаем мешки,
Точим шнеки,
Терпим женские смешки...
Станьте, реки!
Пусть мороз обнимет вас,
Почелует —
Мужичков потешит нас,
Побалует.

* * *

Пошли хворобы половою.
Пусть не щадят меня врачи,
Но ты хоть, старая с косою,
В мою калитку не стучи.
Оружье не ахти, а все же,
Когда услышишь этот стук —
Такой мороз пойдет по коже,
Что ложка выпадет из рук.
Еще десятка три-четыре
Хороших и веселых лет
Дай мне побегать в этом мире,
А там за все — один ответ.

* * *

В такие бы умчаться дали,
Где свету белому конец,
Когда б не суд людской: видали,
Каков кормилец и отец!
Когда б не тяжкий якорь долга
И не обязанностей цепь.
Уйти! Хотя бы ненадолго.
Неважно — в море или степь.
Душа возвышенного просит,
Смятенных помыслов полна.
Но рваную сорочку носит
Его любимая жена.
А нелюбимая работа
Звенит будильником: пора!
Хоть рот с утра кривит зевота,
А дождь и впрямь, как из ведра,
Идет он четко, как в колонне,
Со взглядом, налитым свинцом,
В непромокаемой болонье,
С непроницаемым лицом.

* * *

Созвучен дождь моей душе,
И снег душе моей созвучен.
Я к ним давно уже приучен,
Сроднились, кажется, уже.
Поэтому себе не дам
Спешить куда-нибудь под крышу,
Когда нам посылают свыше
Дождь с мокрым снегом пополам.
Печалят улицу зонты
И пирамидки капюшонов,

И лишь в руках молодоженов
Смеются мокрые цветы.
Трамвай бежит по холодку
Со звонами на поворотах:
Предупреждая полоротых,
Что жизнь подобна волоску.

НА ЗАРЕЧЕНСКОМ МАРШРУТЕ

— А ну-ка выдохнем, ребятки!—
Еще один шутник залез.
И наступил предел посадки
В автобус с надписью «Экспресс».
Ах эти сложные названья.
Куда понятней просто пресс —
Смешались возрасты и званья,
У всех единый интерес:
Как бы до выхода добраться.
Единый дух, единый пласт.
Тут можно вовсе не держаться —
Родной народ упасть не даст.
Наступят, может быть, на ноги,
И пуговица отлетит.
Зато несешь домой с дороги
Учетверенный аппетит.

* * *

Все те же стены в нашем тихом тресте
Уютненьком и теплом, как гнездо.
Какого черта я сижу на месте,
Высидивая днями от и до?
Ведь есть же моря вольные просторы.
Я чувствую, сомнений рвется сеть,

И силе той, ломающей заборы,
В душе чуть-чуть осталось лишь дозреть.
Такое будет объяснить непросто,
И мой уход расценят, как побег.
Начальник наш — весьма большого роста —
В конечном счете мелкий человек.
Он вызовет и, словно по бумажке,
Заговорит про совесть и про честь.
Ему и не дано понять, бедняжке,
Что в этом притягательного есть —
Когда волна, наскакивая с маху,
По палубе несется вдоль борта,
А встречный ветер расстегнет рубаху
И сигарету выбьет изо рта.

В ГОРОДСКОМ ДВОРЕ

Генеральная уборка.
После завтрака бодрь,
Мужики с сознанием долга
Выбивать несут ковры,
Чуть не новые игрушки
Валят в мусор из ведра.
Дружно охают старушки —
Заседатели двора.
С асфальтированной тропки
Слышно, как звенит бита:
Ребятня играет в пробки —
Тоже времени черта.
Трижды смертно битый выжил —
Дремлет, птичек сторожа,
Старый кот, разбойник рыжий,
Со второго этажа.
Рядом толстая собака —
Вот и кровная вражда!

Это б раньше — сразу драка,
А теперь — была нужда.
Ни к чему ругаться стало,
Коль еды не впроворот.
Жирным собственное сало
Не дает оскалить рот.
Турничок, качели, горка —
Все в дорожках и коврах...
Выходной. Идет уборка.
Стукоток во всех дворах.

* * *

«Уж это сельское хозяйство!
К чему Расею привело.
Все нераденье да зазнайство», —
Приемник выключивши зло,
Сказал сосед мой и добавил:
«Хозяева, туды их мать!..»

И молоко водой разбавил,
Идя на рынок торговать.

* * *

У дощатого забора на скамейке
Хорошо сиделось маленькой семейке
В районном городишке, в огороде
Дня июльского на медленном исходе.
Поработали: и кустики и грядки
Все прополоты и политы — в порядке.
Мать нащиплет перьев луковых зеленых
Да огурчиков шершавеньких, ядреных —
Все под боком, все родится понемножку

Скоро нас в окно покличет на окрошку.
Вспоминаю это все, на фото глядя,
Или в очереди стоя за картошкой...
Не сиделось на земле-то тебе, дядя,
Соблазнился ты асфальтовой дорожкой.

ОГОРЧЕНИЕ

С балкона брошенную корочку
Терзал голодный воробей.
И я Василию Егорычу —
Коту — напомнил: не убей!
Хоть когти были и подобраны,
Лежал он будто неживой —
Глаза сверкали не по-доброму
И выдавали с головой.
Пружинист был прыжок стремительный...
Но воробей не лыком шит,
Он тоже парень осмотрительный —
Врага уж с дерева пушит.
А я-то мнил: добрее нашего
Кота на свете больше нет,
И каждый день ему принашивал
Что повкуснее на обед.
Все. Вышел Васька из доверия —
Но отчеству не стану звать.
Не победил в нем, видно, зверя я
И огорчен — к чему скрывать?

ЛЕБЕДИ В ГОРОДЕ

Плавают в пруду спокойно лебеди
На виду, во всей своей красе,
Плавают, как будто вовсе нет беды
В десяти-то метрах от шоссе.

Даже и не верится, что дикие —
Очень уж похожи на ручных.
Прибежали ребятишки с гиканьем
В переменку поглядеть на них.
Ветер гонит лист осенней улочкой,
Невеселый ветер ноября.
Лебедей бабуса кормит булочкой,
Эта не придушит втихаря.
Молодой папаша смотрит ласково
И приподнимает малыша.
Тут совсем надежно: кто с коляскою —
У того из нежности душа.
А вот этот, выдохнувший: «Надо же!»,
В розовой дубленке, с перстеньком?
Или этот — с виду старец набожный,
Но, глаза с болотным огоньком.
Вдруг уже змеятся мысли тайные
Над прудом, над парой лебедей?..
Плавают они, как испытание,
Как зачет на звание людей.

* * *

Опять в горах земли трясенье,
Опять лесных пожаров дым —
Прихлебывая чай с вареньем,
Мы в телевизоры глядим.
Прорвется дамба, хлынут воды
Не шуточно, не напоказ.
Для зрителей каприз природы,
А для кого-то смертный час.

* * *

Книжки умные читаю,
Над архивами сижу,
Дыры в знаниях латаю,
Память в чувство привожу.
Стало мало просто неба,
Общих мест, широких масс.
Не желаю ширпотреба —
Строю душу на заказ.

* * *

На вопрос, хорошо ли живу,
Я ответил: не розочки рву.
Но, бывает, и розы несу
Той, с кем вместе однажды в лесу
Родниковой водицы испил,
Той, которой колечко купил.
Хорошо ли живу? А добро
Я не меряю на серебро:
Нету в доме моем серебра,
Только смех серебрится с утра.
Знать, веселые видели сны
Подрастающие сыны.

Ну а им хорошо — так и мне
Жить неплохо в родной стороне.
Сила есть, и башка на плечах,
И, похоже, душой не зачах.

РАСКАЯНИЕ

Грешен: бил весной лягушек.
И подросши был не промах —
Каюсь, много для подружек
Обломал в лесу черемух.
В жизни было непонятно,
Что мертво вокруг, что живо.
Молод был невероятно
И уму непостижимо.
А прозрения так редки.
Это понял лишь теперь я,
Что обломанные ветки —
Те же вырванные перья,
Что и голубь плачет слезно,
Что страдает и осина.
Я вложу, пока не поздно,
Это знание в душу сына.

* * *

Я вижу такую картину:
Несут они к речке вдвоем
Мужчина — большую корзину,
А мальчик — корзинку с бельем.
Парнишка устал откровенно,
Но груз не отдаст никому.
Как хочется быть непременно
Похожим на батьку ему!

Усов рыжеватых полоску,
Гуляющих мускулов медь,
Такую же — на бок — прическу,
Походку такую ж иметь.
Вот скоро придут они с речки,
Нароют картошки ведро
И с грохотом свалят у печки
Охапки березовых дров.
И женщина любящим взглядом
Засветится из глубока.
Как здорово это, что рядом
Помощники — два мужика

* * *

Заметил я, что сын украдкой
Опять склонился над тетрадкой.
Наверно, в девочку влюблен,
Над рифмою страдает он,
Не зная, что и мне — давно ли? —
Знакомы были эти боли.
Вот и свершился круг в природе —
В ней кое-что по старой моде.

* * *

Огорода не копаю,
Не колю для печки дров,
У костра не засыпаю,
Отгоняя комаров.
И под северным сияньем
У России на краю
Я на грани замерзанья
С автоматом не стою.

Сам себя не понимаю:
Чем судьба не хороша?—
Ничего не поднимаю
Тяжелей карандаша.
Жизнь как будто без печали,
Без неровной колеи.
До чего же измельчали
Все заботушки мои.

* * *

Вспоминаю дни учений:
Марш-броски, привалы, грязь,
Командирских изречений
Удивительную вязь.
Было так: по трое суток
Не снимаешь сапоги.
Пред глазами, кроме шуток,
Ходят черные круги.
Сладко ноет поясница.
Стоит чуточку прилечь,
Как уже чего-то снится
Под отрывистую речь.
Но не время отсыпаться,
Рой окопчик. Спать не смей!
Не успеешь окопаться —
Обречешь себя на смерть.
Ближе, ближе громыхает.
Это танки прут сюда...
И за шиворот стекает
Полумирная вода.

Станция Тайбола,
 Станция Кица.
 Молодость там была.
 Все еще снится,
 Как мы шагали
 С песней поротно
 В кольские дали...
 Бесповоротно
 Годы умчали,
 Молодость то есть.
 Помню, как ждали
 «Дембельный» поезд.
 А подошел он
 Грузно, устало —
 Нехорошо так
 На сердце стало.
 Где вы, ребята,
 Где вы, подруги
 Из Ленинграда,
 Из-под Калуги?
 В дымке растаяли
 Сопки и лица.
 Станция Тайбола,
 Станция Кица...

Ты некрасива, неуклюжа,
 Вовек себе не сыщешь мужа.
 Твои богатые наряды
 Не привлекут чужие взгляды.
 Твои зеленые глаза
 Разъест соленая слеза...

Но если мне ты скажешь «да» —
Всё вмиг изменится тогда.
Копировать твои наряды
Все жены мира будут рады.
Ослеплены твоей улыбкой,
Поражены фигурой гибкой,
Пойдут мужчины за тобой
Всё возрастающей толпой.
И я шагну, влюблен и тих,
На свет зеленых глаз твоих.

* * *

Привязался к тебе, привязался.
Шутишь ты: ну а где узелки?
Видно, он роковым оказался —
Поцелуй у холодной реки.
Все хотел я уехать далёко —
В экзотические города,
Но ожгло меня карее око
И оставило тут навсегда
У реки с деревянною лавой,
У крыльца с потемневшей резьбой,
У столетней березы корявой,
У любви с неизвестной судьбой.

* * *

Всё простили друг другу,
Разводившее врозь.
И семейную вьюгу
Укротить удалось.
Сад любви потрепало —
В бурю не без потерь,—

Наломало немало,
Есть работа теперь:
Собирай, не ленись ты,
Хлам взаимных обид.
Да плеснем из канистры —
Веселей загорит.

* * *

Ты меня не зови —
Нелегко нам обоим.
Мы полкниги любви
Прочитали запоем.
Лишь полкниги. Но там
Не одни только оды.
Выпал жребий и нам
Разлучиться на годы.
Не голодные дни,
Не война за порогом.
Поживите одни,
Я прошу о немногом.
На проделки ребят
Ты посматривай мудро:
Им ведь годы велят —
Жизни раннее утро.
Ну, случится синяк
Или клякса в тетради —
Ведь на каждый пустяк
Нервы незачем тратить.
Так морщинки скорей
Разбегутся по коже.
Будь добра, не старей,
Оставайся такой же.

* * *

За окном вчера трава желтела,
Утром поглядел: белым-бела.
Думал, быстро осень пролетела —
Оказалось, молодость прошла.
Ни о чем не стану сожалеть я
И одно загадываю впредь —
Чтоб с тобой к концу тысячелетья
Незаметно вместе постареть.

СОН

Странный сон привиделся недавно,
Для моих годов забавный сон
И к тому же с подковыркой явной:
Будто я, крылат и невесом,
Опускаюсь плавными кругами
С полудосыгаемых высот.
А внизу меня уже ругают
И кричат: «Куда тебя несет?
Занято! Проваливай!»

И вицей
Машут — каждый на своем посту.
Так ведь и не дали приземлиться.
Неужели все еще расту?

Ласкать меня словечком «неудачник»
Тебе, гляжу, понравилось всерьез.
Согласен только в смысле, что не дачник
И не владелец четырех колес.

Борьба идет на равных, чтоб ты знала.
Сегодня темной силы перевес:
Стихи вернули оптом из журнала,
В путевке отказали наотрез.

С любимым словом не спеши, однако,
Быть может, завтра повезет с утра:
Промчится мимо, не куснув, собака,
И наловлю сороги полведра.

До стипендии неделя,
До каникул — о-ё-ёй!
Почему бы в самом деле
Не обзавестись родней?
Есть реальная возможность
Хоть сегодня, хоть сейчас.
У нее квартира, должность,
Сытый ужин каждый раз —
Кофе, жареная утка,
Для разнообразья хек...
Нет, студент не раб желудка.
Он — свободный человек!
Руки связывать не буду,
Перемаюсь, перебыюсь.
Сдам последнюю посуду —
Хлеба с солью нажуюсь.

В общежитьи тихо лягу
На холодную кровать.
Положу на грудь бумагу
С надписью «Не кантовать!»

* * *

Только бы присесть с карандашом
Да принять родившуюся строчку,
Как приятель в комнату зашел,
В замыслах моих поставил точку.
Все дела какие-то, дела.
Видно, так и будет — нету сладу.
То опять готовиться к докладу,
То сосед пристанет, как смола,—
Неприменно хочет он со мной
Тещины отметить именины.
Тут аванс — и надо в магазины
Совершать экскурсию с женой.
То солить капусту, чтоб ей пусто!
То сменить штаны на малыше...

Некогда подумать о душе.

* * *

Как щедры они в печати:
Выдающийся, большой,
К недостаткам беспощаден,
С неподкупною душой...
И эпитетов нахальных
Увеличивая ряд,
Самобытный, эпохальный —
Друг о друге говорят.

Как отсутствующих хают
В ресторане за столом,
Приговорно громыхают:
Эпигон! Пора на слом!
Этот мелкий, тот бесплодный...
В чем же смысл возни такой?
В том, чтоб в памяти народной
Зацепиться хоть строкой.

* * *

Мне найти бы только строчку,
Остальное — ерунда.
Всю словесную цепочку
Я бы вытащил тогда.
И не строчку даже. Нужно
Слово первое всего.
А другие сами дружно
Выйдут, глядя на него.
Только в том и закавыка:
Много слов да все не те.
Сокровенное найди-ка —
Как тропинку в темноте.

* * *

Коль ты поэт, твори и помни:
Хотя перо не плуг, но все ж
У них одни, земные корни,
Гвой труд во всем с крестьянским схож.
Не упустить свой срок сумеешь?
Удержишь глубину пласта?
Какие буквы ты посеешь
На поле чистого листа?

Имей в виду: семян элитных
Никто на складе не припас.
Лишь от тебя зависит — вид их
Людской порадует ли глаз.
Пойдут, дружны и чисты, ввысь ли,
Иль зашумят среди строки
Чертополох банальных мыслей,
Цветистых штампов сорняки.

* * *

Я не люблю во всем умеренных —
В дорогах, песнях и судьбе.
Я не люблю самоуверенных —
Люблю уверенных в себе,
Из тех, что не кичатся силою,
Хоть под рубахами бугры.
Они не в дружбе со спесивыми,
Они к обиженным добры,
Сердечны с братом, жестки с врагом:
Напал — пощады не проси.
Мне то и любо, то и дорого —
Всегда на них стоять Руси!

ВРЕМЯ

Тик-так, тик-так—
И сквозь тебя и мимо,
Тик-так, тик-так —
Время течет незримо.
Тик-так, тик-так —
Вечно, неутомимо.
Тик-так, тик-так —
Быстро, неудержимо.

Тик-так, тик-так —
Жизнь сквозь тебя и мимо...
Как так? Как так?
Жалко невыносимо.

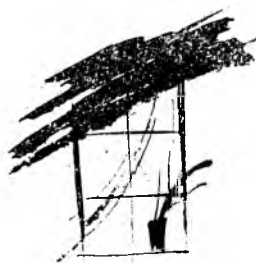
* * *

В небытие уходят годы,
Как в даль морскую пароходы:
Когда они покамест близки,
Название видишь, порт приписки.
Но вот пошли — концы отдали,
И размываются детали:
Круги спасательные, кнехты —
Уже не различаешь всех ты.
Потом сольются с бортом шлюпки,
Потом исчезнет выступ рубки.
Плавучая громада вскоре —
Лишь точка, тающая в море.

* * *

От тишайших рек и леса —
Неразумного раба —
В край бетона и железа
Увела меня судьба.
А нехудо бы, нехудо —
Вдруг найдет же стих такой —
Озера живое чудо
Тронуть дрогнувшей рукой.
Посидеть на берегу бы,
А потом взойти на вал,
Вспомнить, как девчонку в губы
Тут впервые целовал,

Как зимой с того же вала
Вниз летел — аж свист в ушах.
Замереть не успевала
Восхищенная душа.
И опять по лаве Спасской
Поскорей туда, туда,
Где я был озерной сказкой
Околдован навсегда.
Плеск волны, песок прогретый,
Бечевник, гряда камней —
Милой родины приметы
Живы в памяти моей.
Речки Маэкса и Куность...
Выручай, автовокзал:
— Дайте мне билетик в юность!..
— ?..
— В юность, я же вам сказал.

* * *

Древний видится вал,
Брежу озером Белым:
Месяц там не бывал —
Годом кажется целым.
Чтоб совсем не зачах,
Мне хоть изредка надо
Согреться в лучах
Материнского взгляда,
Посидеть вечером
В теплой комнате деда,
Привозным табачком
Угощая соседа.
Я приеду опять
В тихий час листопада.
Буду яблоки рвать
Из отцовского сада
И ловить пескарей
В нашем старом канале.
Лишь бы только скорей
Эти дни наставали.
Здесь я сын, а не гость,
Я не за день, не за год
Пропитался насквозь
Соком северных ягод.

Как древнее поверье —
 Избушки в лесах.
 А небо над деревней
 Все в белых полосах.
 Рокочут реактивные,
 А рокот отстает.
 Блестят они, «ретивые»,
 Как бабка их зовет,
 Серебряными слитками,
 Работа высока:
 Они, как иглы с нитками,
 Сшивают облака.
 И долго-долго машет
 Им рваной шапкой вслед
 Ни разу не летавший
 Стогодовалый дед.

В ОТПУСКЕ

Вновь доступны простые радости:
 Черпать воду, дрова колоть.
 И мгновения эти сладостны —
 Отдыхает душа и плоть.
 Мы от многого отвыкаем. Но
 Убедился навек я в том,
 Что дороже чудес мне каменных
 Этот дедом срубленный дом.
 Все тут прежнее, все по-старому,
 Сердцу милое навсегда.
 Как ухваты в углу поставлены,
 Так не сдвинули их года.
 Помню, этот вот, самый мараный,
 По спине разок погулял...

Засидишься за самоваром ли —
Ничего вкусней не пивал.
И надену валенки батины
И сниму ружье со стены.
На снегу оставляю вмятины —
Дни-то отпуска сочтены.
Все увидел я, все ли выпросил?
Время попусту не бросай —
Отдыхай, душа, набирайся сил,
Воздух родины запасай.

* * *

Заплутал. Разглядывал пни,
И стрелял, и кричал.
Наконец набрел на огни,
В крайний дом постучал.
Как и всюду на Севере,
Тут широкая печь,
На которой хоть семеро
Могут рядышком лечь,
И скамья деревянная,
И кадушка с водой.
А особо желанная
Встреча — дед с бородой.
Он толкует про давние,
Молодые года:
Как ценилось приданое,
Как служилось тогда,
Как бежала вся улица
За полком егерей...
И доверчиво жмурится
Рыжий кот у дверей.

* * *

С утра дымком курятся трубы,
А дым восходит к небесам:
Тепло, видать, пошло на убыль —
Мороз ударил по басам.
В лесу сорочий диспут слышен
На тему «Как себя согреть?»
А лес так светел, бел и пышен,
Что надо сбегать посмотреть.
Мороз и снег опять в новинку,
И я, напившись молока,
Отламываю половинку
Ржаного теплого горбка.
В руке кусок держу не зря я —
Чтобы заметить мог Трезор —
И по снежку бегу, теряя
Подшитых валенок узор.

* * *

Учти, мой друг, июль не вечен.
Чтоб он бесследно не иссяк,
Ты отложи хотя б на вечер
Портфель, распухший от бумаг,
Да выйди в поле, в лес сверни-ка,
Закатом душу напои.
И не чернила, а черника
Пусть пальцы вымажет твои.

* * *

И пролились дожди грибные...
Да усидишь ли дома тут —
Ребята чуть ли не грудные —
И те с корзинками бегут.
Постели мигом опустели.
Мы тоже в лес пошли с отцом
И по дороге захрустели
Свежепросольным огурцом.
Проселками и большаками
В осинники, в березняки,
Наполненные грибниками,
Бегут, бегут грузовики
Туда, в лесные коридоры,
Где свежий ветер меж вершин.
Кряхтят придавленно рессоры
У перегруженных машин.
Кругом ауканье и свисты,
Так, ни над чем, хохочут всласть
Весельчаки и пессимисты,
Осенним лесом надышась.
Последний гриб в корзину кину.
«Пошли домой!» — отца зову
И между веток паутину,
Как ленту финишную, рву.

* * *

В платицах девчонки отфорсили,
Не рискну в луга бежать босым —
Началось по всем лесам России
Факельное шествие осин.
Потянуло снова в перелески —
Так бывает к осени со мной.

Здравствуй, воздух чистый, деревенский,
Просмоленный, ягодный, грибной.
Я иду по тропке, напевая
Песенку веселую свою.
Самой высшей пробы — золотая —
Осень в нашем северном краю.

* * *

Я уехал от вкусного чая,
От реки, от полянок лесных.
Но теперь, что ни день, замечаю —
На душе тяжелее без них.
Много шумных и людных компаний
На скамейках дворов городских.
Без особых душевных метаний —
Подгитарные песенки их.
Пусть им весело — вольному воля.
Только я ничего не забыл:
Не хватает мне хлебного поля
И весеннего ржанья кобыл.
Вот он, транспорт, и быстрый и модный,
Остановится рядом, урча.
Но не хочется гладить холодный,
Лакированный бок «Москвича».
Путь назад не заказан, однако,
Да и годы промчались не все...
Синим глазом дорожного знака
Подмигнуло мне снова шоссе.

Есть уголки еще в России —
 Не Подмосковья благодать:
 Едва дожди заморосили,
 Не знаешь, как и попадать.
 Мы в небеса глядим напрасно,
 Поскольку skies аэродром.
 Теперь один надежный транспорт —
 Телега. Ну еще паром.
 Зато вдали от всех соблазнов,
 Какие город нам берег,
 Мы все леса кругом облазим,
 Наверно, вдоль и поперек.
 Вернешься вечером усталый —
 От полу ног не отодрать.
 Хозяйка самовар поставит,
 Мы — на печь пятки прогревать.
 Потом на чай с медком да с булками
 Так принавалимся втроем,
 Что очень скоро не забулькает
 Работы тульской водоем.
 А там уж на тулуп бараний
 Нас опрокидывает сон...
 Но завтра снова утром ранним
 Мы ружья по лесу несем.

ВЫПУСКНИЦЫ

Проходят юные Офелии —
 Набиты книжками портфели их.
 И ты по выраженью лиц
 Узнаешь сразу выпускниц.
 Девчонки очень озабочены:
 У них экзамены вот-вот,

Остановились у обочины
И снова двинулись вперед.
Цитаты подкрепляя жестами,
О чем-то спорят на ходу.
Глядят им вслед с улыбкой женщины,
Белье несущие к пруду.

* * *

Тополя роняют пух.
Белоснежных, невесомых
Ветерок гоняет сонный
Крупных мух.
Тополя роняют пух.
Он лежит, скопляясь в лужах
Белой вязью лепких кружев,
Мягкок, сух
Тополиный белый пух.
Шла девчонка вдоль вокзала,
Улыбнувшись, вдруг сказала
Ясно, вслух:
— Тополя роняют пух.

* * *

Ну зачем я девчонку
Опять закружил?
А ведь этот, в кепчонке,
С ней, наверно, дружил.
Может, были свиданья,
Целовались, любя.
Как всегда, с опозданием
Я ругаю себя.
Покаянные мысли

Самосадам глушу,
Окаянные мысли
Самосудом сужу.
Сам истец и ответчик,
И себе я не рад.
Как фальшивомонетчик,
Я сегодня богат.

ШУТОЧНОЕ

Я рос парнишкой нелюдимым,
Угрюмым, не в пример сестре.
Она сочла необходимым
Меня изжарить на костре.
Я плакал, по земле катался —
И в том спасение мое,
Я грязной лямкой отбивался
От черных замыслов ее.
Сегодня мне бы ту сноровку,
В годину горечи и бед...
Хочу на грудь татуировку:
«Года идут, а счастья нет».

* * *

Откипела на порогах
Рек весенняя бурность,
Отпылила на дорогах
Гимнастерчатая юность
Хоть следы едва остыли.
Не вернешь уже назад их.
И ребята холостые
Превращаются в женатых.
Любо видеть, как впервые

Из ладоней милых «жинок»
На веревки бельевые
Сядут ласточки зажимов,
На веревки у крылечек...
Только что-то не взлетают,
Почему-то не щебечут,
В синем небушке не тают.

* * *

Повстречались на мосту,
А встречаться бы не надо.
Сам не рад, она не рада,
Обойти бы за версту.
Лучше б руку ей не жать,
Лучше б душу не тревожить.
Только память не стреножить,
На скаку не удержать —
Понесла, взрывая снег,
И под сердце бьет копытом
О далеком, незабытом,
О потерянном навек.

* * *

Я в детстве не мечтал о многом.
Хотелось страстно мне тогда
На жеребенке быстрого
Умчаться в зрелые года.

Года пришли. Но умолчишь ли:
Хочу до слез — грешно скрывать —
В том мире, где живут мальчишки,
Хотя б недельку побывать.

ПО БЕЛОМУ ОЗЕРУ

Есть особая радость в этом —
Приезжать иногда домой.
Очень здорово, если летом,
И совсем неплохо зимой.
Наше озеро чем не море?
По нему мне не раз и впредь
На стремительном «метеоре»
К дорогим берегам лететь.
Ах, кораблик — вот это штука!—
Жмет под семьдесят, с ветерком.
Едет бабка на свадьбу внука,
В мягких креслах сидим рядком.
Не заметили за разговором
(Как дорога-то стала мала) —
Засияли за Липиным Бором
Белозерские купола.
Что мне Ялта, Мисхор, Анапа!
Мне под северным небом добро.
Вновь ступаю по зыбкому трапу,
И колотится сердце в ребро.
Здравствуй, город мой древний, здравствуй!
Отворяю ворота души.
Ты мой князь: заходи и властвуй
И свои указы пиши.

ДОМА

Приоткрыл глаза. Неужто дома?
Мать несет муку из кладовой.
Пахнет удивительно знакомо —
Веники висят над головой.
Выбегу туда, где буйный клевер,
Золотистый клевер копит мед.
И меня травы широкий веер
Холодком зеленым опашет...
Хорошо под вечер выйти в поле,
Где в суслонах цепенеет рожь,
Где жнивье подошвы бабам колет,
Где закат на зарево похож.
Хорошо, граблями на покосах
Молодое сено вороша,
Знать, что на тебя глядит не косо
Добрая крестьянская душа.

СТРАНИЧКА ДЕТСТВА

Бывало так: на спящий город
Гроза ночная упадет —
И небосвод, огнями вспорот,
Вдруг в темных окнах оживет.
Я помню, бабушка вставала,
Крестила трижды сеновал
И чем-то белым накрывала,
Меня пугая, самовар.
Отца вопросами я мучил,
За ним таскаясь по пятам:
Кто их полощет, тряпки-тучи,
Кто их выкручивает там?
Его ответам я не верил.
И весь в неверии таком,

Бесшумно отворяя двери,
Я пробирался на балкон.
И в мир туманных многоточий
Колумбом маленьким войдя,
Я открывал тетрадку почи
В косую линию дождя.

НА ДЕМОНСТРАЦИИ

Дед мой видит неважно
С давних пор потому,
Что пришлось неоднократно
Быть в огне и дыму.
Две войны за плечами,
Сединой убелен.
Внуки б не подкачали —
Беспокоится он.
Я ему уточняю
Транспарантов слова,
Я ему сочиняю,
Что болит голова,
И смеюсь, убегая.
Дед мой чует душой,
Что причина другая...
«Слава богу, большой
Вырос внучек, и сам уж
Что к чему разберет.
Только девку вот замуж
Пусть баскую берет...»
Может, думку такую
И не высказал он.
Я смеюсь, я ликую,
Я — участник колонн!
Розу мне прикололи,
Чей-то шарик несу...

А ведь было — давно ли? —
В деревеньке, в лесу
Просто школьник-проказник,
Просто пахаря сын,
Я встречал этот праздник
Озорным и босым.
К пиджакам прикрепляли
И мои землячки,
Кто постарше — медали,
Помоложе — значки.
Выходили на площадь,
А точнее — на луг.
Ну одеты поплоче,
Ну потолще каблук
Да обветренной лица
У моих земляков...
Ах, как времечко мчится —
Снова к стыку веков.

ДОБРЫЙ СНЕГ

Не учитывая чина,
Раздает он всем меха.
Эта муфту получила,
У того, глядишь, доха.
Даже елку-бабку в шутку
Нарядил в соболью шубку,
Даже голые столбы
Шапки заячьи надели,
Прикрывая от метели
Обмороженные лбы.

Зимою в непогоду мне жаль их:
 И за окном не рассвело —
 Глядишь, ребята побежали
 Чуть не за десять верст в село.
 Едва успеют на уроки
 И снег и пот сотрут со лба...
 Потом обратно по дороге
 Шагает пестрая гурьба.
 Случилось так: в селе казали
 Однажды длинное кино.
 Тепло и людно было в зале,
 А в поле зябко и темно.
 Отстали двое от компании
 (Веками так заведено).
 «Гляди, чтоб волки не напали!» —
 Им кто-то крикнул озорно.
 А ночь — простим ей эту шалость —
 Луну направила на них.
 И вдруг девчонка застеснялась
 Подшитых валенок своих
 Впервые...

В ПЕРЕУЛКЕ

Вышел мороз на прогулочку.
 Не спеша идет по переулочку.
 Увидал он плотника с топориком:
 «Ну сейчас потешусь над соколиком!»
 А мужик покуривает да приплясывает,
 Шапку с уха на ухо перебрасывает,
 По бревну топориком постукивает
 Да в глаза морозец поругивает.
 Осердился мороз, дальше топает —

Стаю галок и ворон согнал с тополя,
Увидал на углу влюбленных парочку
И туда направился вразвалочку.
Дует, щеки раздувает, пока дух не замрет,
А девчонка парню ухо рукавичкой трет.
Улыбнулись друг другу. Не потеха ли —
На такси от мороза уехали.
И остались в переулке дед-мороз на бобах
Да мужик с топориком, с козьей ножкой
в зубах.

НА ПРАКТИКУ

В. Коротаеву

1

Мы летим, идем и едем.
Направленья нам даны
В край, где водятся медведи
И живые колдуны.
Наконец-то в кои сроки
Подъезжаем. Наш приезд
Белобокие сороки
Рекламируют окрест.
Облепили окна жители:
Кто такие и отколь?
Ой, один-то, бабы, жиденский,
А второй зато — король!
В шляпах. Стало быть, учителя,—
Слышим голос из окна,—
На фатеру залучить бы их —
Веселей. А то одна.
Все-то парни поразъехались.
Косу некому отбить,
Косу некому отбить,
Бабам некого любить.

Для иных теперь деревня —
 Слово, прочим не чета,
 Произносят с удареньем,
 Хоть не знают о деревне,
 Прямо скажем, ни черта.
 Я и сам недавно думал
 О деревне, что она —
 Край березового шума,
 Хороводов дотемна.
 Километров этак на сто
 Грузди, рыжики вокруг...
 А деревня — это заступ,
 Заступ, требующий рук.
 Огород копать нельзя им
 (Вот и скудные харчи!)
 Подними его, хозяин,
 Сделай черень, наточи!

* * *

Когда ты стал писать о сложном просто,
 Стерев пустых красотей налет,
 То этим подтвердил: сильней раз во сто
 Живая правда за душу берет.

Взошли побеги — будут и початки:
 На уголках страниц твоих стихов
 Все чаще оставляют отпечатки
 Прокуренные пальцы мужиков.

ЛЮБОВЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

Я физрук, она — историк.
Ситуация ясна.
Мне без милой вечер горек,
Темной ночью не до сна.
Проплывает с коромыслом
Мимо окон, молода,—
Завихрятся мои мысли,
Словно в омуте вода.
Был уже, казалось, близок
Легкий путь к ее руке,
Но приехал нынче физик
С «поплавком» на пиджаке.
Черт-роно послал коллегу...
А ведь с виду кроток, тих.
По утопанному снегу
Я обскрипываю их.

НАЧАЛО

В начале обычной недели
Под пенье сигнальной трубы
На нас гимнастерки надели
И начисто сняли чубы.
Друг друга едва узнавая,
Хоть многие вместе росли,
Мы шли, от жары изнывая,
И облако пыли несли.
Под грузом гражданских привычек
В еще непривычном хэбэ,
В мельканье мундиров и лычек
Нам было не по себе.
Теперь мы немного обвыкли,
И нам уже так не страшны

Канава ли грязная, крик ли
Разгневанного старшины.
В «кирзухи» запрятали ноги —
На танцах в таких не кажись...
Вот так начиналась для многих
Простая солдатская жизнь.
Не так уж она лучезарна,
Хотя и привыкнешь потом.
Мужчине полезна казарма:
Не все же родительский дом.

КАБЛУЧКИ

В казарме застучали каблучки.
От необычности происходящего
Читающий солдат протер очки
И оборвался храп у крепко спящего.
О, непередаваемый момент.
Все повернули головы.

Едва ли
Десятки километров кинолент
Вниманием вот так завладевали.
Дневальный нынче явно оплошал:
Забыв про инструктаж и про уставы,
Он только взглядом робко вопрошал:
Мол, кто же Вы такая и куда Вы?
Она сказала что-то старшине,
И каблучки простукали в каптерку.
И каждый тут поправил гимнастерку,
И «Стройся!» прозвучало в тишине.
Как на параде, выровнялся строй,
Значки блеснули, вспыхнули нашивки...
Девчонка оказалась медсестрой.
Была весна. Нам делали прививки.

КУХОННЫЙ НАРЯД

Старшина читает список:
Снова кухонный наряд.
Это значит — груда мисок
Много часиков подряд.
Всё наряды и наряды,
Нет покоя, невпродых.
Это тоже непорядок —
Выезжать на «молодых».
Я у мойки возмущаюсь,
Вытирая пот со лба.
Напеваю, в такт качаясь:
«Эх, судьба моя, судьба»...
Кочегар лучину колет,
Повар чинно режет хлеб.
Поскорей бы вечер, что ли,
Отдохнуть часок и мне б.
Кружки, ложки тру с песочком
И купаю в кипятке,
Старшину при том на сочном
Поминая языке.

СОЛДАТСКИЙ ОТПУСК

Пассажиры глядят
С лаской и участием —
Наслаждается солдат
Краткосрочным счастьем.
Отпускной билет в кармане —
Десять суток без дорог.
Едет к папе, едет к маме —
На родительский порог,
На сметану и творог,
Да на маковый пирог.

На колесах через речки,
Через лужицы пешком —
На заветное крылечко
Встал кирзовым сапожком.
— Здравствуйте, родители!
(По спине мурашки).
Сын в зеленом кителе,
В голубой фуражке.
Вроде тот он и не тот.
Разговоры те же.
Только разве строже рот
Да улыбка реже...

* * *

Домой. Совсем. Издалека.
Солдат вернулся.

За два года
Ушла вперед, конечно, мода
От брюк, добытых из комода,
От шляпы, снятой с чердака.
Но это парню нипочем,
А также неустройство быта,
Покуда служба не забыта
Ногами, голосом, плечом.
Все эти моды ерунда.
Была бы только речка рядом,
И теплый дождь лупил по грядам,
И щуки лезли в невода.

РЕЧНИКИ НА МОРЕ

Хотя и к морякам завзятым
Не отнесешь, конечно, нас —
На «Волго-Балте-тридцать пятом»
Нам штормовать пришлось не раз.
Вал набегает, ветром взвищен,
Но перед ним не новички:
Уже не первый год мы нынче
Как бы морские речники.
Во всяком случае, в кармане
Мы носим паспорт моряка.
И этот факт в девичьем стане
Работает наверняка.
Ах, это шутки, это шутки,
А шторм накатывал всерьез,
Попробуй высунься из рубки —
И ветер жиганет до слез.
А парни закрепляли шлюнки,
Стояли крепко на ногах,
Не суетливы и не хлюпки —
Росли на наших берегах!
На нашенских хлебах!

И все же,
Когда всходил девятый вал,
То враз мурашками по коже

Он всю команду обдавал.
Еще качаться нам немало.
Привыкнем, судя по всему.
Коль море нас к себе позвало,
Послужим верно мы ему.
Домой воротимся, однако,
Пускай в туман, пускай в грозу.
И теплоход от счастья с бака
Уронит якорь, как слезу.

* * *

Выходит в море пароход,
Выходит в море.
Привычно думает народ
О разном вздоре:
Валюта, ужин... Боже мой!
Уже качает,
А след мерцает за кормой,
Наш путь венчает.
Завинчивается вода
И пузырится,
Потом отстанет навсегда
И усмирится.
И я и все, как этот след:
Дни скоротечны.
А берегам износа нет,
И волны вечны.

* * *

Открылась моря вспаханная нива,
Подняли чайки свой голодный гвалт.
Выходит в воды Финского залива
Постройки астраханской «Волго-Балт».

Земля родная в далях растворилась,
И Ханко, и Аландская гряда.
Мы в шведский порт вошли. И повторилась
Знакомая мелодия труда.
Кружась среди разгрузочного шума,
Как исполнитель чьих-то тайных сил,
Выхватывая коршуном из трюма,
Добычу ковш на берег уносил...
И снова воды Финского залива,
С мостами разведенными Нева
И храмов белокаменные дива —
Как старины глубокой острова.
Куда б, дорога, нас ни позвала ты,
Нам возвращаться к Волге и Свири,
Нам заходить в онежские закаты,
А вынырывать из ладожской зари...

УТРО В ИНОСТРАННОМ ПОРТУ

Ребята спросонья угрюмы,
К тому же на палубе лед.
Но надо отдраивать трюмы,
И боцман пример подает.
Готово — к началу разгрузки
Бригада рабочих идет.
Вот только ни слова по-русски,
А в общем обычный народ.
Гудок. И закланялись краны —
Единая воля видна.
Мы видели разные страны —
Работа повсюду одна.
И это не бабкины сказки
Про чудо неведомых царств —
И докеров желтые каски,
И флаги других государств.

Привычная взгляду картина,
Но рад расставанию я.
Прибавь оборотов, машина!
Помчимся в родные края.

СЕВЕР

И я причастен к слову север.
Не просто север — крайний он.
Идет домой рыбачий сейнер
Сквозь дождь и волны,
Скрип и стон.
Гуляют ветры Заполярья —
Крепись, отец! Держись, сынок!
Нас эти ветры закаляют,
Но никогда не валят с ног.

ПОГОНЯ

Железным корпусом дрожа,
Презрев туман и непогоду,
Большая черная баржа
Взрезает пасмурную воду.
Как слева бакены красны!
Похоже, мы, в удачу веря,
Идем, настырны и грозны,
По следу раненого зверя.
А след опять за поворот
Уходит, сбивчивый и красный,
И нет конца который год
Погоне долгой и напрасной.

* * *

Уже который час подряд
Ярится море.
И мощный снеговой заряд
Ударил вскоре.
Включаем все прожектора,
Гудки тревожны.
Тут где-то бродят катера —
Столкнуться можно.
Мы дополнительно в пургу
Все грузы крепим.
А после бабушку-ягу
На трюме лепим.
Как получилось-то добро!
Кричим «ура» мы.
Какое пышное бедро
У нашей дамы!
Ей поклонение и честь,
Ей наши «ах ты!»
Все собрались, наверно, здесь,
Кто после вахты.
И семибалльная волна
И ветер с градом...
Любая буря не страшна,
Коль шутка рядом.

* * *

Такой погоды пожелаешь другу:
Кругом, как говорится, тишь да гладь.
Но вот по морю, словно бы по лугу,
Пошли барашки белые гулять.
Один кудрявый разбежался резво,
(Чем пароход наш был ему не мил?)

Подпрыгнул бойко, стукнулся в железо
И загнутые рожки обломил.
Но вслед за этим слабеньким ударом
Стал чаще в пену зарываться нос.
Верна примета: видимо, недаром
Промчался утром черный альбатрос.
Мы знаем, лучше не шутить с волнами,
И к берегу решили повернуть.
Соленая заигрывает с нами,
Стремясь в иллюминатор заглянуть.
Из-под кормы обманщица морская
Уйдет, оставив метры пустоты,
И, ополившись, воздух рассекая,
Вдруг бешено закрутятся винты.
В такое время думает о суше —
Будь хоть того отчаянней моряк.
Скорей туда, где, согревая души,
Подмигивает весело маяк.

В УКРЫТИИ

Уже кончался рейс, вполне нормальный,
И флаг победно реял на ветру.
Но утром шторм начался семибалльный,
И он загнал нас в первую дыру.
Увы, наш корпус не совсем надежный,
Зато сплочен и дружен экипаж,
Короче: комсомольско-молодежный —
Здесь дух важней, чем опыт или стаж.
Был якорь стравлен на четыре смычки,
За островком он сдерживает нас.
Но у парней к концу подходят спички,
И тает продовольственный запас.
Ведь все мы люди, теплые, живые,
А островок пустынен и лесист...

Четвертый день прогнозы штормовые
Ловил в свои наушники радист.
Глаза нам намозолил этот остров,
Вконец осточертело домино,
И трижды по желанию матросов
Мы прокрутили каждое кино.
Кто в спячку впал, кто погрузился в книжки,
Один механик целый день подряд
Смакует вслух амурные интрижки,
И каждый раз глаза его горят.
Я тоже вспомнил образ той, красивой,
Чем дальше он, тем ярче и сильнее.
Она была теченьем Куроисио
В полярных водах юности моей.
Восьмые сутки подошли к исходу,
Шторм надоел, наверно, всем богам.
Был путь открыт мечтам и пароходу.
Мы побежали к русским берегам.

* * *

Как далеко и как неважно
Вдруг стало все, чем жил вчера.
Сегодня холодно и влажно,
А ведь вчера была жара.
Я загорал на крышке трюма,
Мой пароход по курсу шел.
Ну а сегодня я с костюма
Нашивки желтые спорол.
И стал обычный, сухопутный,
Всем пешеходам в доску свой.
Плевать мне, встречный иль попутный,
Иль дует «чисто бортовой».
Ведь мостовую не качает,
В квартиру захожу — не в порт.

Жена за лоцмана встречает,
А на столе вино и торт.
Волна плескалась и ласкалась,
И дебоширила волна.
От прежних дней теперь осталась
Терминология одна.

* * *

Пляжный гомон и толкучка
Были, как всегда.
Незамеченная тучка
Подошла сюда —
И взялась гусиной кожей,
Съежилась вода.
Не хотелось верить все же
В эти холода.
Но они шутить не стали —
Выиграли бой,
Серый цвет свинца и стали
Принесли с собой.
И, людским весельем живший,
Берег опустел.
Лишь хранит песок остывший
Отпечатки тел.

* * *

Грустна осенняя река,
Полна какой-то темной краски.
Не дарят ни тепла, ни ласки,
В ней отражаясь, облака.
Проходит мимо теплоход.
Стоят, нахохлившись, туристы,

Понурые, не так речисты.
И в кассе уж не тот доход.
Теперь веселья и не жди,
Когда над пляжем и лесами
Обрывками и полосами
Пошли осенние дожди.

УВЛЕЧЕНИЕ

Черные точки на белом снегу —
Это сидят рыбаки у лунок.
Я у своей судьбу стерегу,
Может, какой-нибудь ерш и клюнет.
Разные способы переберу:
И на блесну, и на мормышку.
Вглядываюсь в ледяную нору
Будто кот, стерегущий мышку.
Холод забрался давно под пальто,
Щиплет лопатки, пятки щекошет.
Ни на какую приманку никто
Там, подо льдом, и смотреть не хочет.
Гаснет в безрыбье мой выходной,
Мелкий снежок засыпает лунку.
Эй, красноперый,хвати, родной,
Вытяни леску в тугую струнку!
Что тебе стоит, возьми и клюнь.
Вздрогнула жилка и стихла.
Словом,
Окунь сказал мне: «Товарищ, плюнь,
Не занимайся подледным ловом!»

МЕСТЬ

В день субботний дело это было:
Я стирал. Не вижу в том беды.
Как дельфин, выпрыгивало мыло
Из горячей пенистой воды.
— Ха, ха, ха! Полощешь распашонки?!—
Мой сосед с порога вдруг заржал.
На его бы плешь насыпать пшенки —
Я бы петуха над ней держал.
Ничего ему я не ответил,
Затаился, выждал, проследил,
Как он тещу поцелуем встретил,
В магазин покорно уходил.
А когда принялся мыть посуду —
— Ха, ха, ха! — с порога я заржал.
Никогда, наверно, не забуду,
Как он губы горестно поджал,
Как проямлил тихо и смущенно
Что-то в оправдание свое..
Удовлетворенный, отомщенный,
Я пошел достирать белье.

ИМЕНИНЫ

Собрались на именины
Медик Фая, дед-вдовец,
Три подружки Агриппины,
Я да Васька-продавец.
Агриппине семь десятков,
Ровно семью десять лет.
Под гармонику вприсядку
Лихо пляшет старый дед.
«Изломаюсь, изогнусь,
К лету не работник.

Откровенно признаюсь —
Поплясать охотник».
С пива да настойки
Бабушка Агриппа
Разошлась настолько,
Что совсем охрипла.
Не уступит старику,
Выкинет коленце:
«Ох, сведите на реку,
Дайте полотенце.
Пойтё-ко-тё,
Напевайтё-ко-тё,
Про молоденькие годы
Вспоминайтё-ко-тё».
Дед наш уплясался,
Отряхнул бородку,
Отдыхать подался
За перегородку.
Ну а Васька, шельма,—
Видно, не в новинку —
Потихоньку в спинку
Чмокает Фаинку.
Три подружки Агриппины
Распевают от души:
«Хороши вы, именины,
Хороши».

* * *

Есть у нас в поселке дяденька,
Бывший, кажется, моряк.
Вот идет он, сытый, гладенький,
С виду вроде бы добряк.
Под сукном морского кителя
(Не бери сукно в расчет)

Бьется сердце накопителя:
«Ещё... Ещё... Ещё...»
Для общественного мнения
Он значков понацепил.
Стерегут его имение
Три собаки на цепи.
И на каждый лай спросонья,
Если ноченька темна,
Сам с ружьем, набитым солью,
Вырастает у окна.
Это нам совсем не на руку,
Но симпатий не таим:
А шарили фонарики
По яблоням твоим!

* * *

За грибами утром шел-то я,
А в свидетели попал:
Подмигнула осень желтая —
И листок пред ней упал.
Эта местная красавица
Очарует хоть кого:
Кинет взгляд — и осыпаются
Листья с дуба самого,
Улетают с веток прочь они —
И в падении чисты.
Синим небом оторочены
Золоченые листы.

ОХОТА НА УТОК

Во исполнение мечты
Спешим на озеро в субботу.
Пройдя десяток верст почти,
Как раз успели к перелету.
Повсюду выстрелы гремят —
Огни их в сумерках, как маки.
Готовы к плаванью собаки,
А кряквы падать не хотят.
У них желанья гибнуть нет —
Не сходят со своих тропинок.
Как говорится, в белый свет
Влетают тысячи дробинок.
Зубами щелкают курки,
Но небо смутно различимо,
И невредимые чирки
Со свистом пролетают мимо.
Я рад за них. И свой заряд
Совсем не шлю в смятенных уток...
Дымы над озером стоят
От пороха и самокруток.

* * *

Мы поедем в Чагоду
Брать грибы да ягоду.
Далеко до Чагоды,
А доехать надо бы,
Потому что ближе-то
Все давно прочесано.
Трудно встретить рыжичек —
Все теперь с колесами.
Вот и бор. Свернуть спешим,
Тут грибы должны расти.

Но уже полно машин
Из соседней области.
Вот тебе и Чагода!..
Подошли не те года,
Когда возле города
Были гриб и ягода.
Не видать успеха нам:
По родной сторонущке
Триста верст проехано,
А грибков — на донышке.

* * *

Морозец вышел на разведку.
Он под покровом темноты
Последний листик сдернул с ветки,
Сгубил последние цветы.
Успел покрасить все заборы
И все витрины расписать.
Не тратя слов на уговоры,
Заставил сторожа плясать.
С утра все тобики и шавки,
Скуля, скребутся у дверей.
А мужики надели шапки,
Дымы пускают из ноздрей.
Им, мужикам, и горя мало —
Есть шубы, хватит рукавиц.
На улицах свежо и ало
От разрумянившихся лиц.

В МОРОЗЫ

Люди дышат зримо,
Поутру в морозы
Пробегают мимо,
Точно паровозы.
Пробегают мимо,
Хлопают руками.
Создан микроклимат
За воротниками.
Шарфики мелькают.
У меня вопросик:
Чья это такая
Держится за носик?
Девушке-южанке
Зябко с непривычки.
Разогни ушанку,
Потри рукавичкой —
Если носик дорог.
Здесь тебе не Сочи:
Градусов под сорок
Выхолодит к ночи.
Отойдут морозы —
Нападут метели.
Таковы прогнозы.
А что вы хотели?
Дух замирает...
Север любит бойких,
Север отбирает
Самых зимостойких.

ОТКРЫТИЕ КАТКА

В городке событие,
Афиша коротка:
Сегодня в семь открытие
Районного катка.
И я ботинки выну-ка
И выбегу на лед.
Мороз, как имениннику,
Мне уши надерет.
Всеобщее вращение.
Коньки у всех сейчас
Остры, как ощущения,
Заполнившие нас,
Как ножик перочинный.
Виток. Еще виток...
Коньками перечиркан
Хохочущий каток.

ПАТРУЛЬ

Огоньки, подмигивая, гасли,
Становилось тише и темней.
Деревушка ночью, будто ясли:
Спят домишки в простынях полей.
Убаюкал их, как няня, ветер...
Оробев, наверно, без огня,
Самая несмелая на свете
Подхватила под руку меня.
Так уж получается невольно,
Что теперь мы вместе по ночам
Словно обязались добровольно
Сторожить покой односельчан.

* * *

Изменила. Ну и что же?
Соглашусь, пожалуй, с ней:
Этот парень помоложе,
Покудрявей, посильней.
Этот парень, этот мальчик —
Он приносит ей цветы,
Держит он ее за пальчик,
Называет не на «ты».
Я не стану молодиться,
Дело, в общем, не в красе.
Я не буду лишней спицей
В их любовном колесе —
Пусть покатится по травке,
Пока гладенький лужок...
Жизнь внесет свои поправки —
Сунет в спицы батожок.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Выскочив на волю, собачонка
Носится, от радости визжа.
Спрашивает дворника о чем-то
Бабушка с восьмого этажа.

На площадке два пенсионера
Со стола соскабливают лед:
Скоро доминошная премьера
Не без их участия пройдет.

У тебя ресницы в снежных блестках,
Но стряхнуть их ты мне не дала...
У подъезда тополь и березка
Обсуждают личные дела.

ОДА КУПАЮЩЕМУСЯ СКВОРЦУ

Когда на хвост я прилег,
Чтобы начать походный ужин,
Мое внимание привлек
Скворец, купающийся в луже.
Не водоплавающий,

он

Так беззаветно прыгал в воду,
Что, действием этим восхищен,
Я тут же принялся за оду.
Хвала тебе, весны певец!
Наверно, ты полощешь горло,
Чтоб с брачной песней не затерло,
Когда помчитесь под венец?
Подружка, вижу я, тиха,
Сидит на ветке в отдаленье,
Украдкой глядя тем не менее
На омовенье жениха.
Вот он к избраннице летит,
Блеснув на солнце опереньем.
Ей безраздельно посвятит
Свое восторженное пенье.

Во дворе мы нынче спозаранок.
Инструмент нехитрый припасен:
Лишь топор с пилою да рубанок.
Батя курит.

Я смотрю, как он,
Не спеша, покашливая глухо,
Топором заточит карандаш,
Отчеркнет, пихнет его за ухо,
Скажет: «Дай ножовку».

Передашь
Да и залюбуешься работой...
А бревно гудит под топором.
Знаю: из отцовских рук добротный
Выйдет стол, а если надо — дом
И красны — под стать ему — ворота...
Вот вам и топорная работа!

У ПОСТЕЛИ ОТЦА

Чем я могу тебе помочь?
Отдай страданий половину —
Пусть ломит грудь мою и спину,
Пускай плечо скулит всю ночь.
Еще укол. Им нет конца.
В мою бы руку их, сестрица!
И это, право, говорится
Не ради красного словца.
Когда б за боль мою часок
Ты мог поспать, забыть, забыться...
Увы, желанию не сбыться.
Смотрю на твой седой висок —
Опять крупнеют капли пота.

Стираю их. И так всю ночь.
И это — вся моя забота,
Все, чем могу тебе помочь.

* * *

Матери Антонине Александровне

Смотрю на фотоснимок я:
Знакомые черты.
Какая там красивая
И молодая ты.
Видать была румяная.
Как не понять отца —
Любовь-то и нагрянула,
Скрутила молодца.
Спасибо вам, что встретились
Когда-то невзначай.
Спасибо, мои светлые,
Что радость и печаль
Всю жизнь делили поровну
И делите сейчас...
Налей-ка, мама, полную
Шипучего.
За вас!

* * *

— Что, Ивановна, в черный плат
Обрядилась?
— Да худо, брат.
Живы все, а и жизни нет,
Было счастье — пропал и след,
Мой мужик, золотой мужик —
И не знаю, когда привык.

Сядет в угол за стол, сидит,
Мимо нас куда-то глядит.
Целый вечер, как истукан,
Подливает зелья в стакан.
Был мужик здоровый как лось.
Нынче много таких спилось.
Что им надо-то, не пойму —
Хлеба вволю, работа есть.
Вот и мой — стало вдруг ему
Всё не по сердцу, всё не в честь.
Только горькую бы ко рту...
И себя-то уж я виню.
Кабы вызнать мне силу ту,
Что толкает людей к вину!
Обороть ее, повалить —
Не жалела бы я себя,
Чтобы ей на земле не жить,
Человечьи души губя.

* * *

Ветер гнет старушонку,
Вырывает из рук
То клюку, то кошелку —
Неразлучных подруг.
Ветер северный, резкий,
А ходьба далека —
Наказала невестка
Принести молока,
На исходе картошка,
Хлеба нет ни крохи.
Шепчет старая: «Тошно.
За какие грехи?»
За какие — не знает:
Сладко век не жилось.

Ветер жжет и кусает,
Продувает насквозь.
Мутных глаз ее щелки
Он подернул ледком...
Внучек розовощекий
Шайбу гонит рядком.
Заменить бы старушку —
Нет и мысли такой.
А ведь может и клюшка
Обернуться клюкой.

* * *

А мы всё пели: «Тру-ля-ля!»
И вот, оправдывая слухи,
Морщинистым лицом старухи
Глядит спаленная земля.
Огонь свирепствует в лесах.
Бежит, захлебываясь дымом,
Зверьё — и шерсть на спинах дыбом,
И ужас плещется в глазах.
Какие странные года —
Как неустойчива погода.
Унылый ветер недорода
Качает наши провода.
Ну что ж, и раньше он бывал.
И главное — не растеряться.
Поменьше петь, покрепче взяться
За плуг, за вилы, за штурвал.

* * *

Не вчера ли бегал со щенком
Взапуски по тропке босиком?
А над нами дождичек грибной...
Словно это было не со мной.

В деревянном тихом городке
С девушкой мы шли рука в руке.
Иней на ветвях, а в сердце зной.
Словно это было не со мной.

Через годы встретился с другой,
Ставшею навеки дорогой.
И опять ходил я, как хмельной.
Словно это было не со мной.

Пройден путь — пора и на ночлег,
Умирает старый человек.
А над лесом дождь идет грибной...
Словно это будет не со мной.

* * *

Мне везет на хороших людей,
Я на каждом шагу их встречаю:
Чуть замерз —
 приглашают к чаю,
Впал в раздумье —
 подбросят идей.
И светлеет ответно душа,
Горизонты мои яснееют.
Жизнь по-прежнему хороша,
Снова в лучших друзьях я с нею.

Доброта наша,
 не скудей —
Соучаствуй, поддерживай, радуй...
Самой лучшей считаю наградой,
Что везет на хороших людей.

СОДЕРЖАНИЕ

I

<i>Вместо предисловия</i>	3
«Лишь прилягу — вижу снова...»	7
«Деревня летом ожила...»	7
«Учит дедушка внука...»	8
Сашка	9
«На козьем рос я молоке...»	9
«Они выпадают безбольно...»	10
«В согласьи с людьми и природой...»	11
Вечерний разговор	11
В дороге	12
«Сугробов сивые чубы...»	12
На месте деревни	13
«Идут старички по аллее...»	13
В краю, где не было войны	14
Старик	14
«Сидит старушка, головой качает...»	15
«Не под силу стали деду...»	15
«Не те, не те пошли деды...»	16
«Природа смотрит на себя...»	17
Старушка	17
«Написано: «Ушел от нас»...»	18
Сухое дерево	18
«Остановилось время для меня...»	19
«Ни телевизора, ни радио...»	19
«Попал же, наконец, в лесную сказку...»	20
«Угрюма ель, по весела сосна...»	21
На болотах	21
Отпускники	22
У моря	22
Посылка	23

Рыбацкая просьба	24
«Пошли хворобы полосую...»	24
«В такие бы умчаться дали...»	25
«Созвучен дождь моей душе...»	25
На зареченском маршруте	26
«Все те же стены в нашем тихом тресте...»	26
В городском дворе	27
«Уж это сельское хозяйство!..»	28
«У дощатого забора на скамейке...»	28
Огорчение	29
Лебеди в городе	29
«Опять в горах земли трясенье...»	30
«Книжки умные читаю...»	31
«На вопрос, хорошо ли живу...»	31
Раскаяние	32
«Я вижу такую картину...»	32
«Заметил я, что сын украдкой...»	33
«Огорода не копаю...»	33
«Вспоминаю дни учений...»	34
«Станция Тайбола...»	35
«Ты некрасива, псуклюжа...»	35
«Привязался к тебе, привязался...»	36
«Все простили друг другу...»	36
«Ты меня не зови...»	37
«За окном вчера трава желтела...»	38
Сон	38
«Ласкать меня словечком «неудачник»...»	39
«До стипендии неделя...»	39
«Только бы присесть с карандашом...»	40
«Как щедры они в печати...»	40
«Мне найти бы только строчку...»	41
«Коль ты поэт, твори и помни...»	41
«Я не люблю во всем умеренных...»	42
Время	42
«В небытие уходят годы...»	43
«От тишайших рек и леса...»	43

II

«Древний видится вал...»	47
«Как древнее поверье...»	48
В отпуске	48
«Заплутал. Разглядывал пни...»	49
«С утра дымком курятся трубы...»	50
«Учти, мой друг, июль не вечен...»	50

«И пролились дожди грибные...»	51
«В платицах девчонки отфорсили...»	51
«Я уехал от вкусного чая...»	52
«Есть уголки еще в России...»	53
Выпускницы	53
«Тополя роняют пух»	54
«Ну зачем я девчонку...»	54
Шуточное	55
«Откипела на порогах...»	55
«Повстречались на мосту...»	56
«Я в детстве не мечтал о многом»	56
По Белому озеру	57
Дома	58
Страничка детства	58
На демонстрации	59
Добрый снег	60
«Зимою в непогодь мне жаль их...»	61
В переулке	61
На практику	62
«Когда ты стал писать о сложном просто...»	63
Любовь сельского учителя	64
Начало	64
Каблучки	65
Кухонный наряд	66
Солдатский отпуск	66
«Домой. Совсем. Издалека...»	67
Речники на море	68
«Выходит в море пароход...»	69
«Открылась моря вспаханная нива...»	69
Утро в иностранном порту	70
Север	71
Погоня	71
«Уже который час подряд...»	72
«Такой погоды пожелаешь другу...»	72
В укрытии	73
«Как далеко и как неважно...»	74
«Пляжный гомон и толкучка...»	75
«Грустна осенняя река...»	75
Увлечение	76
Мсть	77
Именины	77
«Есть у нас в поселке дяденька...»	78
«За грибами утром шел-то я...»	79
Охота на уток	80
«Мы поедем в Чагоду...»	80

«Морозец вышел на разведку...»	81
В морозы	82
Открытие катка	83
Патруль	83
«Изменила. Ну и что же?..»	81
Предвесеннее	84
Ода купающемуся скворцу	85
«Во дворе мы нынче спозаранок...»	86
У постели отца	86
«Смотрю на фотоснимок я...»	87
«Что, Ивановна, в черный плат...»	87
«Ветер гнет старушонку...»	88
«А мы все пели: «Тру-ля-ля!..»	89
«Проанализировать хочу...»	90
«Как стареешь сам...»	90
«Не вчера ли бегал со щенком...»	91
«Мне везет на хороших людей...»	91

Беляев Леонид Александрович ЦЕПОЧКА ЖУРАВЛЕЙ

Редактор А. А. Цыганов
Оформление Р. С. Климова
Художественный редактор Д. А. Трубин
Технический редактор Н. Н. Гаврилова
Корректор В. А. Фокина

ИБ 834

Сдано в наб. 14.10.88. Подп. в печать 17.07.89. ГЕ05229:
Формат 70×90/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературн.
Высокая печать. Усл. печ. л. 3,51. Усл. кр.-отт. 3,803.
Уч.-изд. л. 3,713. Тираж 1000 экз. Заказ 2870. Цена 35 к.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, 160000, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.